

УДК 821.161.1.09"18"

А. В. Кошелев

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
anatoly.koshelev@yandex.ru

**«Я ЧАСТО СКЛОНЕН К ПРЕДУБЕЖДЕНИЯМ...»
(ЛЕРМОНТОВ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО
О.И. СЕНКОВСКОГО СЕРЕДИНЫ 1830-Х ГГ.)¹**

В статье на основе публикаций седьмого тома «Библиотеки для Чтения» (1834) поставлен вопрос о влиянии творчества Барона Брамбеуса (О. И. Сенковского) на Лермонтова.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, О. И. Сенковский, «Герой нашего времени».

A. V. Koshelev

Yaroslav the Wise Novgorod State University
anatoly.koshelev@yandex.ru

**«I'VE ALWAYS JUMPING TO CONCLUSIONS...»
(MIKHAIL LERMONTOV AND OSIP SENKOVSKY'S
ARTISTIC CREATIVE WORK OF THE MID 1830S)**

The article based on the publications from «The Reader Library», vol. 7, 1834, explores the Baron Brambeus's (Osip Senkovsky) influence on Mikhail Lermontov.

Keywords: Mikhail Lermontov, Osip Senkovsky, «A Hero of Our Time».

Ссылный В. К. Кюхельбекер, прочитав в «Отечественных записках» статью Белинского о «Герое нашего времени» (см.: 2), признался в своем дневнике (запись от 5 февраля 1841 г.): «...я <...> принужден поставить Лермонтова выше Марлинского и Сенковского, а эти люди, право, – недюжинные. Итак, матушка Россия, – поздравляю тебя с человеком! Рад, ей-богу, рад...» (6, 395). Тайну псевдонима Сенковского – Барон Брамбеус – Кюхельбекер разгадал еще в 1835 г. Записав свое наблюдение, Кюхельбекер не имел возможности познакомиться с романом Лермонтова. Он прочел его двумя годами позднее, о чем есть запись в том же дневнике (12 сентября 1843 г.): «Лермонтова роман – создание мощной души <...> все-таки жаль, что Лермонтов истратил свой талант на изображение такого существа, каков его гадкий Печорин» (6, 415). В поздней записи нет сопоставления имен; оценивая же нового прозаика по статье Белинского, Кюхельбекер упомянул Сенковского и Александра Бестужева как наиболее заметных, с его точки зрения, авторов повестей. Для него эти авторы и существуют «в паре»: Бестужеву отдается почетная роль «подлинника», а Сенковскому – «списка» (основанием для такого деления послужили особенности языка двух авторов)². В дневниковой записи Кюхельбекера, таким образом, ошибочно видеть высказывание о художественной природе романа Лермонтова.

Кюхельбекер оказался едва ли не единственным читателем, который упомянул рядом Сенковского и прозу Лермонтова. Повести Сенковского, написанные во второй половине 1830-х – начале 1840-х гг., т.е. во время выхода «Героя нашего времени», не имели успеха, который сопутствовал его произведениям, написанным в середине 1830-х годов. Между тем, сама постановка проблемы кажется вполне обоснованной: Лермонтов, вне всякого сомнения, читал «Библиотеку для Чтения» – журнал, в котором он впервые опубликовался под собственным именем (см.: 4, 29–40; 9, 162–167). Ниже мы остановимся на конкретном примере, который, как нам кажется, свидетельствует о влиянии творчества Сенковского середины 1830-х гг. на становление Лермонтова-прозаика.

В круге чтения ссылного Кюхельбекера выделяется седьмой том «Библиотеки для Чтения». Если верить дневнику декабриста, он познакомился с журналом за два дня, 20 и 21 декабря 1834 г.

20 декабря он прочел три повести: «одна из них – «Княжна Мими» Одоевского – чрезвычайно хороша <...> Масальского «Дон-Кихот XIX века» совершенный вздор; а «Кирджали» Пушкина просто анекдот, очень хорошо рассказанный». 21 декабря Кюхельбекер выделил большую анонимную статью о книге Владимира Броневского «История войска Донского»: «этот разбор очень хорош; вероятно, он Сенковского». Другие произведения, вошедшие в этот том «Библиотеки...», удостоились следующей оценки: «Из стихотворений замечу пьесу прекрасной версификации: «Молодой орел» Ершова. Надоела мне, между прочим, судорожная (*grimaçante*³) ирония, с какою с некоторого времени обо всем пишут; всех несноснее в этом случае знаменитый М. Я., т.е. Михайло Яковлев (только не лицейский); ему вечный смех, он над всем шутит, обо всем рассказывает, как настоящий Скарамуш: и об «Осаде Пскова» Розена, и о самом пошлом водевиле; везде у него заметно одинакое желание выставить на посмеище автора и выказать свое личное превосходство и над автором, и над читателем. Высек бы я розгами этого кривляку!» (6, 342–343).

Впечатления от тома «Библиотеки...», как видим, не были равными. Любопытны оценки двух критических статей: положительная – рецензии Сенковского (Кюхельбекер не ошибся в своем предположении), и – резко отрицательная – обзора Михаила Александровича (а не лицейского товарища автора дневника Михаила Лукьяновича) Яковлева «Русская драматургия в С.-Петербурге».

Статья Яковлева в основном представляет собой пересказ содержания новейших (переводных и оригинальных) водевилей с колкими авторскими характеристиками. Конечно, разбор пятиактной трагедии Розена, посвященной событиям русской истории конца XVI века, показался здесь Кюхельбекеру крайне неуместным.

Кюхельбекер, безусловно, прав, отмечая стремление Яковлева «выставить на посмеище автора». Характерна язвительная заметка о «новой оригинальной комедии-водевиле Надежда и Любовь». Яковлев начинает с утверждения: «Не знаю как других, а меня, при словах – «новая оригинальная комедия-водевиль», мороз по коже подирает». А в конце рецензент допускает укол в отношении автора, актера Петра Григорьева: «Вам не нравится содержание этой новой оригинальной комедии-водевиле? Мне тоже. Но вы, верно, полюбостытствуете узнать, какую цену назначил за нее автор? Он просит, чтоб вы его наградили за эту новую оригинальную комедию-водевиле ценою вашей дружбы и любви. Наградите ж его вашею дружбою и любовью! Ведь это ничего не стоит в нашем веке» (8, 53–54). Такая манера «кривляки» Яковлева противопоставлена опыту Сенковского – критика. Подобная оценка, если вспомнить статьи о Брамбеусе Белинского и Чернышевского, кажется несколько неожиданной.

Сенковский в своей рецензии уделил внимание четвертой части труда Броневского, в которой автор повествует вовсе не о «Истории войска Донского», а о собственной поездке на Кавказ, которая была предпринята по медицинским показаниям. «Эта четвертая часть, – с наигранным восторгом отметил рецензент, – <...> есть путешествие в роде английских *tours* и *sketches*, – странствование через землю донских казаков, в Пятигорск, к водам, – личные приключения автора в стране, <o> которой сочинил он историю, – картины нравов простудившихся и одержимых геморроем, – очерки милые, умные, забавные. Мы бы желали, чтоб все истории оканчивались так весело» (5, 28).

Конечно, было бы неправильно расценивать эти слова как положительную оценку труда Броневского. Назвав автора «приятным писателем», Сенковский, обильно цитируя книгу, приводит читателя к противоположному выводу. Вполне возможно, такая манера Сенковского, противопоставленная откровенной грубости Яковлева, была отмечена Кюхельбекером.

Эта особенность критических статей предполагает игру с читателем: «Сенковский, – по мнению современного исследователя, – становится первым критиком, ориентирующимся на массовое литературное сознание. Хорошо то, что нравится читателю, даже если то, что

нравится читателю, написано дурно. Поскольку вкус индивидуален, выводить критерии качества произведения бессмысленно: оно нравится, потому что нравится <...> если читателю нравится творчество поэта, ты должен обосновать, почему это хорошо» (11, 48, 50). Все зависит от притязаний самих читателей: кто-то увидит похвалю творению Броневского, а кто-то – оценит иронию критика.

В структуре «Библиотеки для Чтения» неоднозначно прочитываются и художественные произведения Сенковского.

В седьмом томе была опубликована повесть Барона Брамбеуса «Предубеждение. Статья одного человека». Николай Львович П-в, ее условный автор, рассказал о своих непростых отношениях с княгиней Татьяной Кондратьевной Чундзулеевой. История, поведенная в статье, случилась десять лет назад; свое сочинение Николай Львович охарактеризовал как «летопись безотчетливой ненависти» (1, 240). Это чувство развилось в результате того, что он убедил себя в том, что Татьяна Кондратьевна – вдова.

Узнав от друзей о гостеприимной княгине, герой Брамбеуса хотел было свести с нею знакомство, но «вдруг разжелал»: Мне не хотелось тронуться с софы, на которой нашел я было такое удобное положение для своего тела, какого никогда еще не находил со времени ее покупки!» (1, 206). Вскоре это чувство переросло в ненависть: герой стал ненавидеть не только Чундзулеву, но и все, что с ней хоть как-то связано: поскольку фамилия ее показалась ему «немножко закавказской», то он возненавидел все восточное (восточные нации, книги и пр.). «Добрый малый», который был «не в состоянии никого обидеть или обмануть с умыслом», который «не мог бы уснуть трое суток от ужаса о своем бесчеловечии, если б зарезал невинного цыпленка, которого <...> съел за завтраком», поссорился «со всеми вдовами, со всеми мнениями, со всеми азиятцами, с Кавказом, Индией, Китаем, Персией...» (1, 210, 209).

Спустя некоторое время Николай Львович случайно встретился с княгиней (поначалу он не знал, что прелестная Теолина и есть Татьяна Кондратьевна). Узнав, что его новая знакомая – та самая Чундзулеева, герой изменил свое мнение: он почувствовал к ней симпатию, потом – любовь; в это время даже фамилия Татьяны Кондратьевны, которая раньше была «знамением чего-то чрезвычайно дикого и смешного», стала казаться ему «благозвучным словом» (1, 226). Герой подумывал о женитьбе и даже объяснился с княгиней. Татьяна Кондратьевна оказалась не вдовой, а женой грузинского князя, которого Николай Львович принимал то за управителя, то за домашнего приятеля.

Человеческие предубеждения проявляются в отношении физических особенностей другого человека, его внешнего вида, национальности и пр. Печорин неоднократно признавался в этом качестве собственного характера. В «Тамани» он дважды заметил в себе эту черту. «Что делать? Я часто склонен к предубеждениям...» (7, 44), – так сформулировал Печорин свои впечатления от встречи со слепым мальчиком. А в «Княжне Мери», перед дуэлью, узнав о том, что его хотят сделать «посмешищем», Печорин отметил: «Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» Предубеждение – общее свойство персонажей романа. Таков, например, характер Максима Максимыча, который за просто называет «преглупыми» и «жалкими» осетин-обитателей сакли, где они вместе с рассказчиком остановились на ночь. Число характерных примеров можно увеличить.

В том же седьмом томе, куда вошла повесть Брамбеуса, публиковалась и одноименная статья философа и богослова Федора Сидонского (1805–1873), которая была написана для «Энциклопедического Лексикона» Плюшара. Сенковский был участником этого издания; статья «Предубеждение» публиковалась с рекламными целями среди трех других: «Зрение», «Феодальная система» и «Ломоносов». Ни одна из этих статей не вошла в «Лексикон» (издание справочника приостановилось на букве «Д»). Соседство повести Брамбеуса и энциклопедической статьи вряд ли случайно.

Сидонский так объяснил природу человеческих предубеждений: «Это потребность души нашей, потребность, по которой мы составляем в себе общие взгляды и суждения без полного обозрения частных; образуем целостные суждения прежде, нежели успели собрать данные, на основании которых те должны быть составлены» (10, 45). Далее философ обрисовал, к каким чудовищным последствиям могут привести предубеждения: «...предубеждения распространяются между людьми подобно губительной заразе; <...> при всей доброте души, при всей любви к человечеству от них редко бываешь в силах освободиться <...> предубеждение производит между людьми разделения и большую часть враждований; заставляет винить и даже обижать человека, которого ближе не знаешь, забывать, как мало в целом роде человеческом значит личность одного народа...». До определенного момента статью Сидонского можно считать своеобразным предисловием к повести Брамбеуса.

Во второй половине своего выступления философ предложил, как бороться с этим «мраком предубеждений»: «На предубеждения можно и должно смотреть как на заключения, составленные по неполному наведению <...> или извлеченные не в том виде, какой дают факты (были) при надлежащем рассмотрении. Как в наведении мы тем ближе подходим к истине, чем больше собираем одинаковых обстоятельств или оснований, так, до произнесения решительного суда о предмете или принятия решительного действия по отношению к лицу мы должны, не довольствуясь одинаким их обнаружением, выждать более значительного числа их развитий и образований <...> Такого рода предосторожность может достаточно предохранить нас от многих предубеждений» (10, 47)⁴.

Финал повести Брамбеуса противопоставлен назидательности статьи Сидонского. Николай Львович, оказавшийся в роли шута из-за «неполного наведения» о семейном положении Татьяны Кондратьевны, неожиданно утвердился в «сладоности» собственного предубеждения: «запершись у себя в кабинете, я теперь ненавижу ее (княгиню – А. К.) с утра до вечера...» (1, 269). Эта сладость сопровождается уверенностью в том, что «я в обществе человек важный, – потому что зол...» (1, 266); а попытка примирения Николая Львовича с Татьяной Кондратьевной, предпринятая их общей знакомой, окончились неудачей.

Брамбеус-писатель неоднозначен, как и Брамбеус-критик. Читатель сам должен трактовать финал его повести: посмеяться над неудачей Николая Львовича, озлобившегося на весь мир, или увидеть в истории его «предубеждений» болезнь «героев времени», которые «готовы были любить весь мир», но «выучились ненавидеть». Об этой неоднозначности заявлено и в «Предисловии» к журналу Печорина, где издатель отказался дать собственную оценку характера автора публикуемых им записок.

Примечания

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-34-10100).

² К такому выводу Кюхельбекер пришел, познакомившись с «Воспоминаниями о Сирии», опубликованными в пятом томе «Библиотеки для Чтения» за 1834 г. В журнале материал был подписан Осипом Морозовым; Кюхельбекер справедливо указал на действительного автора этого очерка: «Этот Осип Морозов чуть ли не тот же Осип Сенковский: по крайней мере, и у Морозова те же марлиновские замашки и то же незнание русского языка, что у Брамбеуса-Сенковского. Впрочем, и у того, и у другого не отнимаю ни воображения, ни занимательности, ни истинного таланта. Но все же Марлинский подлинник, а они оба списки, и все же не быть им законодателями в русском языке» (6, 357).

³ Гримасничающая, судорожная (франц.).

⁴ Подобным образом рассуждает и Фаддей Булгарин. Одну из своих статей о романе Лермонтова он открыл рассуждением о собственном «предубеждении» к автору романа, сотрудничающему во враждебных «Северной пчеле» «Отечественных записках». «Предубеждение есть самое вредное ощущение в человеке, от которого что-нибудь зависит и который должен об чем бы то ни было произносить свои суждения и мнения. Под влиянием этого ощущения самый умный и самый честный человек может наделать глупостей, быть несправедливым и даже повергнуть в несчастье безвинного человека. Только сильная воля и постоянство в правилах могут избавить нас от этого вредного ощущения, которое так искусно уловляет ум наш и сердце в свои сети» (3, 66). Прочитав роман,

критик сумел побороть «вредное ощущение», провозгласив свое правило: «Литератор, как судья, должен смотреть не на лица, а на дела» (3, 73).

Литература

1. *Барон Брамбеус* <Сенковский О.И.> Предубеждение. Статья одного человека // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 7. Русская словесность.
2. *Белинский В. Г.* «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова. СПб., 1840 // Отечественные записки. 1840. Т. 10. № 6; Т. 11. № 7.
3. *Булгарин Ф. В.* «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2002.
4. *Жук А. А.* Лермонтов и журнал «Библиотека для Чтения» // Русская литературная критика. Саратов, 1988.
5. История Донского Войска. Описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. Владимира Броневского. Четыре части. СПб., 1834. Обзорение истории армянского народа, от начала бытия его до возрождения Армянской области в Российской Империи. Сочинение Сергея Глинки. Две части. М., 1834 // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 7. Критика.
6. *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
7. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени. М., 1962.
8. *М. Я.* <Яковлев М. А.> Русская драматургия в С.-Петербурге // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 7. Литературная летопись.
9. *Новиков А. Е.* Образы Востока в творчестве О. И. Сенковского и Лермонтова // Лермонтов и история: Сборник научных статей. Великий Новгород; Тверь, 2014.
10. *Сидонский Ф. Ф.* Предубеждение // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 7. Литературная летопись.
11. *Федута А. И.* Литературная летопись «Библиотеки для Чтения»: Осип Сенковский или Барон Брамбеус? // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX–XX веков. Материалы научной конференции «Пятые майские чтения». 14–17 ноября 2004 г. Псков, 2005.